

18+

ДМИТРИЙ ЧУЛКИН

Король идёт на Вы

кофейная гуща

Дмитрий Чулкин
Король идёт на Вы.
Кофейная гуща

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24427680
ISBN 9785448534515

Аннотация

Книга разработана на благо всех живых существ. Все рисунки изготовлены при помощи кофейной гущи, поэтому книга пригодна для гадания. Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

Пролог	8
Scratch-1	10
Глава 6	12
Time to go	17
Глава 7	19
Саня	24
Scratch-2	30
Глава 8	35
Олли	39
Глава 9	43
Усы	46
Глава 9.5	49
Глава 10	52
2Д	55
Глава 11	60
Сон 1	62
Сон 2	65
Глава 32	67
Лето	68
Звери кончились	76
Русские	80
Глава 33	86
Сон 3	91

Про массмедиа	95
Про гонку вооружений, одиночество и свободу	96
Свобода	102
Глава 35	105
Глава 36.6	115
Рассуждения дурака	115
Ложный закон сохранения ненависти	121
Конец ознакомительного фрагмента.	122

Король идёт на Вы Кофейная гуща

Дмитрий Чулкин

Иллюстратор Анна Михайловна Бессонова

Корректор Екатерина Анатольевна Орлова

© Дмитрий Чулкин, 2021

© Анна Михайловна Бессонова, иллюстрации, 2021

ISBN 978-5-4485-3451-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Книга гаданий

Пролог

Темные кучевые облака... Страшное зрелище. Господь Бог поежился, словно от холода.

– Ну как ты там? – спросил Господь Бог у короля.

Король сидел в моей комнате и пил чай.

– Нормально, Господи, – ответил он. – Только немного странно себя чувствую. Немного страшно мне.

Но ты все еще веришь в меня, король?

– Да, Господи.

Господь Бог дунул, и кучевые облака разошлись, теперь над моим домом в облаках была круглая дырка, и из нее падал косой поток солнечного света.

– Я все вижу, король. Пока что Мне не нравится. Ты не слишком-то торопишь события.

– Господи, но ведь я ничего не помню.

Если бы ты что-то помнил, король, было бы неинтересно.

– Зачем я здесь, Господи?

Scratch-1

Аня лежала у меня на плече и попивала зеленый чай. За стеной играла «We used to know» Jethro Tull. В окно заглядывало прощающее весеннее солнце. Извини, словно говорило оно, нам было очень хорошо вместе, но я и так слишком задержалось.

– Скажи, – спросила Аня. – Если бы мы все... Ты, я... Весь мир... Если бы это все было частью живого океана из «Соляриса»...

Она встала напротив окна, так что я почти перестал видеть что-либо, кроме силуэта ее обнаженного тела.

– Если бы живой океан на определенной стадии смоделировал все, что нас окружает, и нас самих тоже... Как бы мы смогли понять, что это все ненастоящее?

Я взял с табуретки, служащей нам столом, свою чашку кофе. «Солнце. – подумал я, – Солнце... Как она красива. Или это я сошел с ума, и мне это только так кажется?»

И ответил:

– А зачем бы нам это было нужно?

Аня отошла от окна и села на меня так, что ее соски оказались напротив моего лица. Она сказала, глядя на меня сверху вниз:

– Чтобы знать правду.

Я дотронулся носом до ее правого соска.

– Да, чтобы знать правду! – повторила Аня, словно убеждая себя в чем-то.

Глава 6

Когда нам хорошо, мы хотим смеяться, потому что как-то скучновато. Когда нам плохо, мы хотим смеяться для того, чтобы забыть, что нам плохо. Когда мы забываем, что нам плохо, мы хотим смеяться, потому что думаем, что нам хорошо, но как-то скучновато. И так далее. В общем говоря, мы хотим смеяться.

Великий ученый Миша хочет сосредоточиться, но у него ничего не получается. Темная комната, только яркое пятно света настольной лампы лежит на книге.

Миша тщетно пытается разобрать хоть строчку. Тогда он с досадой плюет в книгу.

На кухне его мама готовит блины. Миша терпеть их не может, но он все равно съест их, потому что он любит свою маму. Она врач, потому кричит Мише из кухни:

– Миша, включи в комнате большой свет, не читай под настольной лампой, глаза испортишь!

– Мама, я только так могу сосредоточиться на том, что читаю! – кричит в ответ упрямый Миша.

Тихий стук в дверь. Миша удивленно смотрит на часы. Половина одиннадцатого ночи. Кто может прийти так позд-

но?

Миша бормочет ругательство на французском языке, надевает пушистые тапочки с кошачьими мордочками и хочет идти к двери. На душе у него тревожно.

Он слышит, как его мама звенит цепочкой от дверного замка.

– Мама! – кричит Миша. – Мама, не открывай, я...

Он не успевает договорить. Дверь срывается с цепочки, и квартира переполняется большими и страшными людьми в масках. Один из них хватает Мишину маму и делает ей какой-то укол.

– Так, – тихо и спокойно говорит другой верзила в маске.

Мы сидели с Мишей у него на кухне и пили кофе.

– Я надеюсь, ты меня извинишь за этот ужасный беспорядок, – сказал Миша.

– Да, не бери в голову, – ответил ему я, макая в кофе печенье. – Это все пустяки, давно хотел побывать у тебя в гостях. Надеюсь, с твоей мамой будет все в порядке.

Жалко, что обстоятельства такие печальные.

– Ты знаешь, мне совсем не понятно, что это такое было и зачем. Какие-то омовцы... Ничего не понимаю.

– Тут и понимать нечего. Теперь нужны виноватые. А кто у нас в Византии виноватые? Ну ясно кто. Те, кто, работая по заданию американской разведки, саботировал важнейшие исследования. А может, ты еще и еврей? Пока, Миша. Езжай

в свой Израиль, пока можешь.

Я поправил перо на шляпе и вышел во тьму и вонь московского вечернего подъезда.

Time to go

Мы с Аней сидели за столом и пытались приготовить на всех салат. За окном моросил мелкий майский дождик, в камине уютно потрескивал огонь.

Аня была одета в домашний халатик с зелеными розами на черном фоне. Она резала лук, и поэтому ей очень хотелось плакать.

Каждый раз, бросая взгляд на ее лицо, я испытывал странное чувство, какое бывает на закате. Это чувство говорит нам, что мы запомним происходящее на всю жизнь и будем потом горько сожалеть о том, что оно ушло. Горечь эта, впрочем, будет смягчаться тем фактом, что это все-таки когда-то было.

Я сказал Ане:

– У каждого из нас есть такие воспоминания, которые разрывают нам душу.

Она посмотрела на меня полными слез глазами и улыбнулась.

– Ты что, решил, что сейчас надо сказать какую-нибудь банальную фразу?

Я хотел ей ответить что-то, но в этот момент на кухню ворвалась Нина В. и сказала Ане:

– Не обращай внимания. Он вечно говорит всякие общеизвестные вещи с таким видом, будто открывает миру

страшную тайну.

Сказав это, Нина щелкнула фотоаппаратом и вышла из кухни навсегда. «Интересно, – подумал я, – она что, стояла под дверью и подслушивала?»

– Так вот, – продолжил я торжественно. – Когда-то давно я был близко знаком с одной девушкой. Просыпаясь по утрам, она включала мне песню Гребенщикова «Ты нужна мне».

Уже прошло много лет с тех пор, как мы и слова друг другу не сказали, а песня все еще рвет мою душу на части.

Аня порезала палец, и мне пришлось заткнуться и целовать ее. «В чем-то, – подумал я, – Нина бывает права».

Глава 7

Весна подходила к концу. Май заигрывал с людьми, то заставляя их скидывать одежду, то обдувая их холодным пронизывающим ветром с дождем.

Мне же он отравлял жизнь днем, делая квартиру душной, а мое существование потным и липким спустя уже пятнадцать минут после душа. Холодные обманки мая не помогали мне, так как здание не успевало отдать накопленное тепло никому, кроме населяющих его людей.

Король не появлялся уже две недели, и я думал иногда, что он и в самом деле был не более чем моей галлюцинацией. Кто он и что он, более не интересовало меня. «Что толку, – думал я, – в знании механизма функционирования собственной памяти? Главное, что эта память есть и иногда пользование ею доставляет удовольствие».

То же и с королем. Если он помогает мне жить и делает мою жизнь более интересной, зачем мне знать, чем он на самом деле является?

Сначала, когда король исчез, я почувствовал облегчение. Я всегда был одиночкой, и меня тяготило почти что постоянное присутствие другого человека, тем более мужского пола, тем более старше меня. Тем более такого высокого.

Король вообще иногда вызывал у меня воспаление комплекса неполноценности. Помимо высокого роста, он об-

ладал глубоким низким голосом и вальяжными манерами. Словом, всем, что соответствовало моим представлениям о том, каким хотят видеть мужчину женщины.

Саня

Саша Георгиева оглянулась. Соперница догоняла ее. «Блин, – подумала Саша. – Зря я именно эту смазку выбрал! Надо было другую...»

Было очень холодно, но пот не замерзал у Саши на лбу, а тоненькой струйкой стекал ей в глаза и ниже, будто прекрасная девушка некстати расплакалась.

Она еще раз оглянулась. Лыжня. Соперница. Саша даже могла разглядеть ее глаза. Вдруг Саша с ужасом поняла, что догоняющая ее девушка – это она сама, только чуть-чуть моложе, года на три. «Не больше», – подумала Саша.

Вдалеке маячили елочки. «Ничего, – подумала Саша Георгиева. – Вот доеду до елочек и там скроюсь от себя».

«Черт побери, – подумал я. – Ну какая она теперь Георгиева? Не Георгиева она давно... Ну, оно и хорошо. Зато не будет обижаться, что я ее фамилию указал. Раз не твоя фамилия, так и обижаться нечего... Или обидится? Они ведь такие все... Как про других читать, так первые. А как про себя... Ох».

Я нехотя заменил везде фамилию Георгиева на что-то менее благозвучное. Затем, печально вздохнув, снова уткнулся в ноутбук.

Торговец Хью вышел из дома. После освещенной камином гостиной темнота словно дубиной ударила его.

Он прислушался. Ничего подозрительного слышно не было, обычный субботний вечер.

Где-то пела девушка, ей кто-то подыгрывал на флейте и гитаре.

Хью набрал полную грудь воздуха. «Воздух, – думал Хью, – был сегодня как-то особенно свеж. Так всегда мы сидим в затхлых помещениях. Когда приходит время умирать, мы выползаем и впервые за долгое время чувствуем, как хорошо жить».

В таком случае кто-то вздохнет и скажет: «Ах, как хорошо жить, как жалко умирать». А кто-то, наоборот, бодрой походкой постарается отогнать сомнения и страхи и философски отметит, что день для смерти выпал неплохой.

С кухни донесся запах дорогого кофе.

– На тебя сварить? – закричал мне король.

Я оставил попытки мыслить здраво и закричал королю:

– Да, Ваше Величество!

Король уселся в свое огромное кресло. «И откуда оно здесь взялось? – подумал я. – Не было же».

– Чем острить, скажи мне лучше, – произнес задумчиво король, – почему Саша Георгиева говорит, как мужчина: «я выбрал»?

Scratch-2

Король закричал из кухни:

– Долго вы там еще?! Мне надо зайти забрать циркуль.

Я усмехнулся. Придумал бы что поправдоподобнее.

Я положил руки Ане на бедра и сказал:

– Если бы мы были частью разумного океана, который решил смоделировать нас всех, то это бы для нас ничего ровным счетом не значило. При условии, что модель была бы достаточно непротиворечива, чтобы мы могли ничего не замечать.

Я двинулся. Аня улыбнулась и чуть застонала. Я продолжил говорить:

– Этому океану пришлось бы изрядно постараться в своем моделировании. Фактически он бы проделал такую работу, что не стыдно было бы быть творением такого существа.

Я прикоснулся к Аниным соскам кончиками пальцев и стал двигаться чуть быстрее. Говорить стало очень тяжело, но я старался как мог:

– В сущности, мы и сейчас не очень-то осознаем, кто нас создал и зачем. Для того, чтобы осознать, что мы являемся моделью океана, нам для начала необходимо соприкоснуться с той его частью, что не задействована в моделировании нас.

Аня, похоже, совсем уже не слушала меня. Собрав все свои силы, я продолжал говорить:

– Или найти в модели такой изъян, который бы ясно говорил нам о том, что все происходящее имеет своей природой волю какого-то океана.

Я коснулся губами ее груди, а затем стал говорить, глядя ей прямо в глаза:

– Или хотя бы понять, что есть такие области вблизи нас, куда мы не можем... проникнуть...

Аня тихо всхлипнула и закрыла глаза. Из ее глаз полились слезы, она тихонько пискнула, слезла с меня и легла рядом. Я вытер со лба пот.

Солнце скрылось.

Я пошел на кухню делать кофе. Однако, выйдя из комнаты, я обнаружил поднос, на котором стояли две чашечки свежесваренного кофе.

Я взял поднос и зашел обратно в комнату. Аня лежала на кровати лицом вниз. Она и не заметила, что я вернулся менее чем за пять секунд.

Я продолжил свое перечисление:

– Или натолкнуться на волю, обладающую не объяснимыми в рамках нашей модели способностями. Как в «Солярисе».

Я присел на край кровати и стал смотреть на Аню. Она притворно нахмурилась и спросила:

– Что ты все время на меня так смотришь? Тебе что, так нравятся женские груди? Ты все время пытаешься мою потрогать.

Девушка надела маечку. Это, впрочем, не сильно помогло ей скрыться от моего взгляда.

— Я вижу, — отметил я, — что Живой океан тебя теперь интересует гораздо меньше.

Хью не думал, что это начнется так скоро. Это дерево было слишком холодным. Дерево не может быть таким холодным.

Торговец стоял, прижавшись спиной к огромному дубу, стоящему на самой опушке лесной чащи. Полная луна окрасила его лицо бледным серебром.

Впрочем, если бы луна сменилась солнцем, лицо Хью не стало бы более румяным.

Хью умирал.

Серые сумерки. Уже который год в моем сердце тоскливые серые сумерки. Иногда робкие вспышки молний озаряют его... озаряют и снова гаснут.

Я чувствую себя младенцем, который сидит на полу в пустой комнате и ждет, когда придет его мама. Зима и ночь, на полу разбросаны замечательные игрушки.

Если бы мама была здесь, я бы играл в них и был весел и счастлив. Но мамы нет. Она не приходит уже слишком долго.

Игрушки не радуют меня. Я пытаюсь забыться, катая по полу паровозик, но у меня ничего не получается.

Что это за вспышки молний, которые озаряют мое сердце.

Я иногда думаю, что был бы счастлив сгореть в одной из таких вспышек в момент, когда яростное безумие похоти охватывает меня. Когда я подхожу к своему алтарю...

Пятеро обступают меня. Мы начинаем наши игры, потому что знаем, что чувствуем примерно одно и то же.

Глава 8

Вы можете разрешить своему рабу делать все, что ему хочется, но не можете сделать его свободным.

Григорий Алексеевич висел над пропастью. Веревочка, которая удерживала его тяжелое боксерское тело, грозила в любую минуту оборваться. Тем не менее Григорий Алексеевич был спокоен и невозмутим. Его умное меланхоличное лицо не выражало ни страха, ни сожаления.

– Я прекрасно понимаю всю тяжесть положения, в котором я оказался, – сказал Григорий Алексеевич, глядя прямо в телекамеру. – Но мы не должны поступаться своими принципами ради сиюминутной выгоды.

Веревочка с резким щелчком оборвалась, но Григорий продолжал задумчиво висеть в воздухе, пренебрегая законом всемирного тяготения.

– Вот видите, – печально произнес Григорий Алексеевич, скромно отводя глаза от объектива. – Я не упаду, потому что в меня верят всякие интели. Я, как лидер демократической оппозиции, непотопляем и вечен.

Внезапно сверху на его голову посыпались мелкие камешки. Григорий Алексеевич задрал голову и посмотрел вверх. На край обрыва вышел высокий худой человек в черной мас-

ке. В одной руке он держал увеличительное стекло и пристально разглядывал сквозь него известного российского демократа. Другой руки у него не было.

– Григорий, – сказал однорукий, – А ты таки можешь сделать так, чтоб у меня выросла рука?

Григорий Алексеевич поморщился, оскорбленный фамильярным обращением таинственного незнакомца. Однако более чем фамильярностью он был оскорблен сомнением в его возможностях.

– Конечно, – ответил он неизвестному, – Пожалуйста. Считаю до пятисот. Вы считаете вместе со мной. Картавьте, как я, и завывайте. Запомните, что, когда я досчитаю до пятисот и у вас вырастет рука, вам придется в честь меня картавить до конца дней своих.

Григорий Алексеевич принялся считать. Неизвестный повторял. Чем ближе он подбирался к пятистам, тем сильнее картавил и завывал Григорий Алексеевич. Неизвестный картавил и завывал вместе с ним.

– Четыгеста девяносто пять... Четыгеста девяносто де-е-евять... Пятьсо-о-от!

С легким хлопком у неизвестного выросла вторая рука. Григорий Алексеевич удовлетворенно встряхнул бровями.

Неизвестный снял маску. Чудесным образом висящий над пропастью Григорий Алексеевич с ужасом уставился на его лицо. Не веря своим глазам, Григорий Алексеевич воскликнул:

– Рома? Р-р-роман Владимирович? Здесь? Как?!

Неизвестный демонически расхохотался.

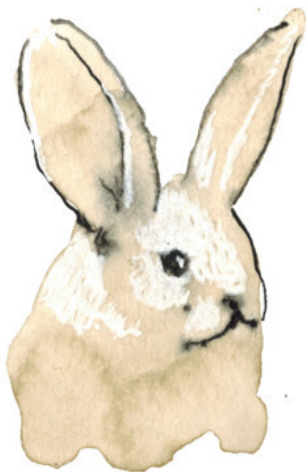
– Да, Григорий Алексеевич. Да, батенька. И картавить я в вашу честь более не намерен. Адью. Кстати, имейте в виду, что на думских выборах 2007 года я голосовал я за СПС.

Рома развернулся спиной к лидеру демократов-интеллектуалов и зашагал прочь.

Григорий Алексеевич заплакал и с диким воплем обрушился вниз, в зияющие глубины Рейхенбахского водопада.

Король зарыдал и выронил полную чашку кофе. Ароматный густой напиток растекся по полу, образуя причудливые узоры.

Мои кролики поскакали к коричневой луже и стали мочить в ней свои беззаботные усы.

Олли

Ольга вошла в вагон метро. Тесно и душно... Никто не захотел уступить ей место. Угрюмые лица москвичей не выражали абсолютно ничего. «Вот интересно, – подумала Ольга. – Если бы у нас в Новокузнецке было метро, как бы выглядели лица новокузне...»

Тут Ольга задумалась, как правильно сказать: новокузнецчан, новокузнецов... Или, может быть, новокузнечиков?

Последний вариант понравился ей больше всего, и она стала думать, используя именно его: «Наверное, новокузнечики не были бы такими угрюмыми... По крайней мере первое время... Пока метро им было бы в новинку».

Оля достала флейту и решила сыграть прямо здесь и сейчас, чтобы хоть чуть-чуть развеселить сидящих москвичей.

Полилась тихая и нежная мелодия. Когда все в вагоне заслушались, Ольга весело притопнула ногой и стала играть что-то быстрое и веселое. Москвичи и гости столицы внешне испытывали огромное желание вскочить со своих мест и начать танцевать прямо здесь.

Но тут Ольга поняла, что ей пора выходить.

– Пока-пока, – сказала Ольга обитателям подземного вагона и выбежала прочь.

Мы с Аней шли по берегу реки. Солнышко играло в воде,

щекоча нам глаза. Золото...

Как давно я не дышал полной грудью... Да. Весна.

Елки и березы Подмосковья.

– Так странно, – сказала вдруг Аня. – Иногда, когда мы вместе, я испытываю какое-то беспокойство.

Я чуть сжал Анину руку и скосил глаза в ее сторону, чтобы резким поворотом головы не спугнуть ее откровенность.

– Я привыкла... – продолжала Аня, – Я привыкла относиться к своим... Мальчикам... Я привыкла относиться к ним так, как будто, если они завтра скажут, что уезжают в Абакан... Я привыкла думать, что мне ни капельки не будет жаль. Красавцев полно, нового найду.

Я молча слушал ее. Свежая зеленая травка ложилась под мои ботинки.

– С тобой все иначе, – Аня вдруг остановилась, будто поняла что-то важное. Она резко повернулась ко мне и ткнула меня пальцем в грудь.

– Ты пробудил во мне инстинкт собственника! Этого еще никому не удавалось.

Я рассмеялся и чмокнул ее в нос. Аня сделала вид, что возмущена:

– Ты абсолютно безнравственный тип! Могу поспорить, что ты даже не слушал меня! Все, что тебе надо от меня, это секс! Ты даже не говоришь мне, что любишь!

– А ты не спрашиваешь! – я, улыбаясь, повалился на траву и продолжал разговор, разглядывая Аню сквозь травинки.

Внезапно Аня стала серьезной. Она опустилась на колени рядом со мной и заглянула мне в глаза.

– Ты любишь меня? – прошептала она, словно умоляя.

Я не менее серьезно посмотрел ей на нос и ответил:

– Я тебя люблю.

Спикер поставил ногу на грудь старушке и обратился к прессе:

– Я считаю, – сказал спикер, – что нельзя смешивать. Вот, к примеру, этой пожилой, с позволения сказать, леди сейчас весьма неудобно. Что же мне из-за этого кофе с плюшками не пить теперь? Я вас спрашиваю!

Спикер ткнул пальцем в ближайшего журналиста, которого тут же подхватили под руки милиционеры и вывели вон.

– Не отвечаете... – удрученно сказал вслед журналисту спикер. Старушка пискнула из под стопы солидного спикера. Тот кинул на нее строгий взгляд и погрозил пальцем.

– Наш национальный лидер, – снова обратился к прессе спикер, – наш национальный лидер... Кофе с плюшками – это то, что объединяет людей! Мы не позволим смешивать кофе с плюшками... В смысле кофе с плюшками с чем-нибудь еще! Особенно со всякими политическими интригами!

Спикер гневно поднял свой узловатый палец и показал на трепыхающуюся старушку.

– Сейчас, – сказал спикер, – сейчас я продемонстрирую коварство врагов Государства Российского! Эта бабка... Эта

женщина старческого возраста на самом деле... На самом деле...

Пресса взволнованно зашуршала, но тут спикер умолк, так как в ухе его прервалась трансляция радиопередачи. Спикер минуты две молчал, и никто из представителей прессы и слова ему не сказал.

Передача возобновилась, и спикер заговорил снова
– Эта женщина на самом деле – английский шпион дай-дай-ламы!

Те же милиционеры, что от греха подальше уводили журналиста, подбежали к бабке, стащили с нее одежду, под которой обнаружили какие-то оранжевые тряпки.

Раздались восторженные аплодисменты...

Глава 9

Это все неправда.

Человек, похожий на Курта Воннегута

Маньяк-педофил Вася сидел под кустом и мерз. Был уже почти час ночи, холодный ветер пронизывал теплую зимнюю дубленку маньяка.

Так он и не дождался никого, только простыл и умер.

Дело закончилось скандалом. Я не выдержал и прорвался к сцене.

– Путин! Путин! – кричал я. Он стоял и улыбался, он был так близко. Злобные кирпичные морды оттащили меня прочь.

Тут я и проснулся в холодном поту.

Как сочетается внутренняя независимость и наплевательство на чужое мнение с непреодолимым стремлением вымыть пол перед приходом гостей?

Наша жизнь похожа на суп. И на много чего еще.

Кое-кто вылезло из воды. Вокруг летали насекомые и прыгали кузнечики. Кое-кто сказало:

– Я думаю, что в литературе есть своя ценность вне зависимости от того, читает ее кто-то или нет.

К сожалению, вокруг никого не было, и поэтому миру пришлось идти к пониманию этой простой истины многие тысячи лет.

Я подошел к стенке, за которой скрывался неизвестный мне человек. В стенке была маленькая дырочка, и поскольку ничего неприличного оттуда не высунулось, я заключил, что за стеной либо женщина, либо никого нет, либо весьма осторожная натура.

Кое-кто сказал, что нехорошо писать про своих друзей. Я не согласен, но из опасения быть побитым мне приходится тут осторожничать.

Из-за того, что мне приходится притворяться вежливым человеком, я много чего не говорю. К счастью, есть друзья, с которыми мне не нужно скрывать своей грубости и невоспитанности. Я громко смеюсь, ругаюсь и ругаю политиков.

Самуил Прохоров кушал пирожок с горохом, купленный в церковной лавке.

– В общем, так, – сказал Прохоров. – согласные женщины меня не возбуждают.

Кусочек пирога упал на асфальт, а мимо проехал мощный

автомобиль типа джип.

– Если баба согласна, то это не в кайф. Ну в самом деле, что за интерес? Я считаю, что настоящая похоть должна преодолевать все барьеры, и самый высокий из них – это нравственный. Уговорить ломающуюся целку... – Прохоров закатил глаза и причмокнул.

Катя зажмурилась и прошептала:

– Ты просто монстр. Чудовище! У тебя нет ничего святого!

Прохоров замолчал, посмотрел на церковную лавку, а затем на пирожок и ответил, гнусно усмехаясь:

– У меня есть святой пирожок с горохом, который мне приятно съесть!

Катя расплакалась, а Петр подошел к Самуилу Прохорову и правильно дал ему по шее.

Почему-то мне кажется, что я никогда не буду чувствовать себя порядочным человеком. Думаю, что в этом виноваты воспитатели детского сада, которые приучили меня извиняться за что попало. И, конечно же, мой коллега Александр... Это, конечно, не значит, что я порядочный человек.

Два человека стоят возле картины. Камера снимает из-за картины, так что не видно, что на ней изображено. Они внимательно смотрят на картину, затем происходит следующий диалог.

Усы

Полыхаев лихо закрутил ус.

– Абстракционизм, однако, – сказал он и сплюнул себе под ноги.

Художник Алберт сначала возмутился, а потом заплакал от обиды.

Полыхаев дал Алберту пощечину.

– Не реви, баба, – грустно сказал Полыхаев...

Рома сказал:

– Во всем должен был смысл!

Что такое смысл, спросил его кто-то странный.

– Смысл, это когда ты можешь привязать веревочкой одну вещь к другой.

А зачем, спросил его кто-то непонятливый.

– Чтобы не чувствовать себя пылинкой, одиноко летающей в бесконечной пустоте космоса, – ответил Рома.

В следующем рассказе все персонажи говорят противоположное своим истинным мыслям, опять-таки в целях конспирации. Более того, они даже делают обратное своим желаниям.

Рома и Александр прыгали на батуте. Рома прыгает вверх, а Александр – вниз. Когда они встречаются друг с другом, они обмениваются уважительным рукопожатием.

Александр кричит Роме:

– Как хорошо самому достичь всего в этой жизни. С самого низа подняться до самых вершин. Из положения бесправного раба возвыситься до императора, повелителя галактик!

Рома крутит себе ус и сверкает очками:

– Да, – кричит он Александру в ответ, – как ты прав, друг мой! Истинная жизнь духа невозможна без непрерывного процесса самопознания! Какая радость, что всемогущий фатум бессилен против человеческой воли.

Тут сетка батута прорывается, и Александр с Романом падают на пол и больно ударяются.

– Да, – говорит Александр, – все-таки иногда хорошо иметь толстый зад, как у некоторых наших друзей. Будь мы более упитанны, мы бы меньше ушиблись сейчас.

Роман задумчиво отвечает Александру:

– В некоторых ситуациях толстый зад может только помешать. Вот, например, один наш друг с весьма толстым задом сейчас переживает любовную неудачу.

Александр смотрит себе в ICQ.

Да, – говорит он. – Я тоже в курсе. Пойдем-ка утешим этого умницу.

Глава 9.5

Теплый весенний вечер, мы с Аней идем по городу. Просто так, без какой-либо цели. Еще светло.

Аня говорит:

– Какой чудесный вечер.

Мы идем мимо магазина, вечерние алкоголики скромно топчутся около его дверей.

На детской площадке играют детишки. Мальчик кричит девочке:

– Эй, девочка!

Та, возмущенно картавя, отвечает ему:

– Я не девочка! Я ребенок!

Аня смеется.

В кабинете у гендиректора на столе появился странный график, что он изображает, непонятно, но предполагаю самое страшное. Фотография графика в приложении 1.

Теперь о ситуации с Гегешем. Похоже, что они собираются его убраться чужими руками, скорее всего, воспользуются связями заместителя гендиректора в госструктурах. Кто конкретно с ним связан, не говорят даже при мне.

Судя по последнему разговору А. с Б., активные действия начнутся не раньше следующего месяца, когда будет формальный повод известного х-х-х-характера.

Хр-р. На прошлой неделе приходила дочка гендиректора и играла со мной. Образец ДНК в приложении 2. Удалось имплантировать ей наноробота-шпиона по форме YN-44-OP.

Глава 10

Большая часть того, что говорят люди, – это просто самогипноз.

– Когда-то мы были с тобой дружны, – сказал король. Ты меня понимал по крайней мере. Я не могу похвастаться тем же в отношении тебя, но ты-то меня понимал, так мне казалось... Да. Что же теперь-то с нами случилось? Мы что, повзрослели, что ли?

Король смотрел в глаза своему отражению в зеркале. Отражение молча глядело в глаза королю, но ничего не отвечало.

Король выхватил меч и посмотрел на его лезвие. Синее. Синее... Красное.

Больно.

Король напрягся.

Кровь пошла сильнее.

Синяя тоска ночи. Ты сидишь один в четырех стенах, и абсолютно ничего не можешь поделать со своим одиночеством. Раньше ты мог лечь спать и сказать, что непременно последний раз проводишь так вечер.

Но число таких вечеров перевалило за критический предел, и ты уже не можешь поверить своим собственным уте-

шительным мыслям.

Король выхватил меч... «Ай, да что там, – подумал он, глядя в зеркало. – Я не могу покончить с собой...»

Король рубанул.

Осколки зеркала брызнули ему в лицо.

– Из чего сделан мой меч?! – закричал король, – Из чего сделан мой меч?!

«Свобода, – подумал король. – Свобода – это то, чего у тебя нет. И не будет никогда. И не было никогда. Тебе казалось, что ты выбрал тропу, которой идешь, а кто-то хитро улыбался тебе вслед. Всю жизнь. Ни у кого не было ее, этой свободы! У всех кто-то улыбался за спиной. И у того, кто улыбался, за спиной тоже кто-то улыбался. Кто?»

Я осторожно открыл дверь в комнату. Мягко ступая по осколкам зеркала, я подошел к королю и отдал ему чашку с кофе. Король посмотрел мне в глаза и сказал.

– Я сделал это.

– Да, Ваше Величество. Вы сделали это. Теперь вы совсем настоящий, как все люди. Надо будет купить Вам костюм.

Король отхлебнул кофе.

– Скажи, неужели для того, чтобы человеку стать настоящим, необходимо возненавидеть себя?

– Нет, Ваше Величество. Этого мало.

– Тогда что же... Что же еще надо?

Я поднял с пола крупный осколок стекла. Из него на меня смотрел немолодой уже человек с невыразительным одутловатым лицом.

Мешки под рыбьими глазами, трехдневная щетина.

Я улыбнулся отражению.

– Потом надо себя полюбить. Таким, какой ты есть.

2Д

Миша опроверг давнее доказательство невозможности существования живых существ в двухмерном мире.

Доказательство это, философское по сути, как оказалось, вовсе и не являлось доказательством, а было пустопорожним словоблудием, как и многие философские доказательства.

Заключалось оно в том, что двухмерное существо для сохранения своей цельности могло бы иметь только одно отверстие, которое бы оно использовало только для поедания пищи. Второе же отверстие, для вывода отходов от переработки пищи, оно бы иметь не могло. Таким образом, существование двухмерной жизни полагалось невозможным.

Другими словами, двухмерное существо не могло бы испражняться. Вот и все доказательство.

Миша нашел два слабых места в этой теории.

Первое. Априори полагалось, что в двухмерном мире невозможно существование пищи, перерабатываемой существом полностью и без отходов. Будь это не так, двухмерное существо могло бы обходиться без дефекации.

Тем более не предусматривалась возможность внешней переработки пищи существом при помощи какого-либо специального органа.

Второе. Полагалось, что двухмерное существо не может быть устроено таким образом, чтобы фекалии выводились

лись бы через то же место, через которое вводились. Никаких оснований для подобного утверждения небрезгливый Миша не видел. Тем более что ему неоднократно доводилось видеть своего друга Р. в состоянии алкогольного опьянения, которое оканчивалось тем самым процессом, который полагался невозможным...

Наконец солнце скрылось.

«Как-то там сейчас Аня?» – подумал я и отхлебнул горячего сладкого чая.

Зима. Никого нет.

«Как так получилось? – подумал я. – Жизнь текла себе и текла».

Как мне надоело непонимание.

Я приехал в эту деревню неделю назад и ничего до сих пор не написал.

Более того, я и из избы-то вышел всего лишь пару раз.

Большую часть времени я лежал в кровати и тупо слушал радио.

В деревне хорошо вспоминать и думать.

Раньше было вообще невозможно делать в деревне что-либо другое. Не было сотовых... Не было радио... Не было практически телефизора.

Сейчас все это есть, но привычка осталась. Глубоко, так что не вытащишь.

Стоит оказаться здесь и увидеть этот кудрявый берег, из-

гиб реки...

«Ничего, – подумал я, – все образуется само собой».

В дверь постучали. «Черт побери, – подумал я. – Никто не знает ведь, что я здесь. Я никому не сказал, куда еду».

Я допил чай и решил не открывать дверь.

Я был сияющим солнцем.

Я шел по зову ветров.

Тот, кто откроет мне сердце,

Больше не будет здоров.

За дверью не унимались. Я ткнул пальцем в ноутбук, и послушный прибор моментально выдал мне изображение.

Перед моей дверью переминался с ноги на ногу невзрачный мужичонка.

Даже в черно-белом было видно, что рожа у него синяя от похмелья.

Я усмехнулся и пошел открывать дверь.

– Ты всегда любил вые... ся, – сказал мне Серега.

Мы сидели в избе, перед нами стояла бутылка пива. Со-держимое ее уменьшалось со средней скоростью литр в час.

– Зато я не мент... – парировал я и отхлебнул кофе.

Серега рыгнул.

– Ты совсем охренел! – шутливо сказал Серега. – Что тебе сделала наша доблестная милиция? Мы таких, как ты, не трогаем.

– Спасибо, отец родной. Каких – таких?

– Е... нутых! – Серега заржал и прикончил бутылку.

Старый японец сказал:

– С возрастом начинаешь больше ценить порнографию. Это единственный вид искусства, где жизнь переходит границу.

Молодой японец возразил:

– А как же видео, на которых на самом деле умирают люди?

Старый японец ответил:

– На таких видео границу переходит не жизнь, а смерть.

Глупости случаются с человеком. Сплошные глупости. Особенно много глупостей случается с умными людьми. Хотя, может, и не больше чем со всеми остальными, просто умные люди более чувствительны к глупостям и умеют лучше о них рассказать.

«Белые розы, белые розы, беззащитны шипы».

Король сидел у окна и смотрел на улицу. Там какая-то бабушка перетаскивала набитую мусором телегу через лужу. Телега была тяжелая, а бабушка очень старая.

Король прищурился. «Не так ли мы, – подумал он, – тащим за собой всякий мусор, стараясь не замочить его в луже?» – «Так», – ответил королю Бог.

Король вздрогнул и оглянулся. В комнате не было никого,

даже меня.

Король давно уже не видел меня. Недели две как.

Даже слышать меня перестал.

Сквозь пол я спустился к Ане. Она сидела на кровати и перебирала какие-то фотографии.

– Знаешь, – сказал я ей, – последнее время ты единственная, кто меня замечает.

Аня подняла голову, но не обернулась.

– Может быть, так было всегда, просто ты только теперь это заметил сам?

Я присел на кровать и погладил Аню по руке. Мой взгляд упал на фотографии, которые она рассматривала. На большинстве из них присутствовал я.

Я тихонько коснулся губами плеча Ани.

– Тишина невыносима, – сказала она, – Особенно летом. Летняя тишина полна чужой радости, радости, которая досталась не тебе. Она фактически и не тишина. Вот сейчас я сижу дома одна, ты мне мерещишься. А за окном бегают дети, молодые девушки целуются с парнями. А я сижу тут...

– Так выйди, кто ж тебя держит?

– Не могу. Меня тоже как будто нет, нас всех кто-то придумал. А потом ушел куда-то. А мы догадались, что нас придумали, и теперь не можем жить как все.

Я засмеялся и пошел на кухню делать кофе.

– Тогда, – закричал я из кухни, – нам лучше постараться это забыть!

Глава 11

There was a barber and his wife... And she was beautifull...

Кое-кто схватил опасную бритву и стал брить Джони. Джони тихо плакал от ужаса.

– Когда-то у тебя тоже было все в порядке, – сказал мне король. Ты шел по улице и насвистывал. Думал, что ты не хуже всех и даже в чем-то лучше.

Но что с тех пор изменилось?

Да, ты стал чуточку старше.

Да, у тебя теперь вставная челюсть, и ты не надеешься, что та молоденькая девушка сочтет тебя интересным.

Порнофильм с твоим участием будет смотреть только извращенец.

А так-то все осталось по-прежнему?

Просто теперь удовольствий, которые ты получаешь, будучи в одиночестве, стало гораздо больше, чем удовольствий, которые ты получаешь в компании.

Может, потому, что большинство твоих друзей умерли, а остальные живут так далеко, что ты не доберешься к ним, даже если соберешься умирать?

Король посмотрел на меня сочувственно и прошептал:

– Не переживай, в следующей жизни кто знает, кем будешь ты. Не беда, что эта жизнь прошла зря.

Я проснулся с криком и в холодном поту. Мне тридцать лет. Я еще молодой. Я еще...

Сон 1

Как-то раз встретились Платон и Аристотель. Они, хоть и были связаны взаимным уважением, не любили друг друга.

Аристотель, завидев вдалеке Платона, приподнял свои одежды и побежал к нему навстречу, мерзко хихикая.

Тучный Платон, увидав, что на него несется худенький Аристотель, набрал горсть земли и кинул ее в лицо будущему воспитателю Александра Македонского.

Но, увидев, что промахнулся, кинулся прочь.

Аристотель же, догнав Платона, поставил ему подножку, в результате чего Платон упал в грязь.

С тех пор и говорят, что Аристотель – это Платон, смешанный с грязью.

Петухов получил от жены по уху и с тех пор совсем распоясаясь. Он отказывался выполнять просьбы, притворяясь глухим. Когда жена спрашивала, почему он не откликается, Петухов только ржал в ответ и тыкал пальцем в глухое ухо.

– Вот тебе правда, – сказал Дон Хуан Роману, когда они прогуливались среди развалин пирамид Красной Горбатки. Каждый раз, когда о тебе кто-то думает, ты теряешь частичку себя. В том случае, если они думают о тебе правду. Если ты подумаешь о них, то ты вернешь себе чуть-чуть силы. Если

нет – ослабнешь. Ослабнешь совсем – умрешь. Как? Неважно. Что-то случится. Надо быть честным только с близкими людьми. Нельзя говорить правду о себе всем. Самое лучшее – молчать и не оставлять следов. Не можешь молчать – шифруйся.

– Но как же, что же, писатель должен быть честен, иначе как...

– Запомни, – ответил Дон Хуан, – настоящий писатель говорит в своих книгах правду так, чтобы понять ее могли немногие. Для остальных же его книга – развлекательная ложь. Или просто пустота.

Сон 2

Я собрал в одном классе Иисуса Христа, пророка Мухаммеда, Будду, Лао-цзы, Карлоса Кастанеду, а также Морихея Уэсибу с Коичи Тохеем.

– Вы не имеете права меня учить. И вообще никого, – объявил я им. – Я считаю, что каждый человек должен сам доходить до тех мыслей, которые вы ему сообщаете, или не доходить вовсе.

Сказав это, я решил убить всех присутствующих.

Сын Божий совсем не сопротивлялся, но, когда я закончил его убивать, оказалось, что он стоит неподалеку и смотрит на меня добрыми глазами.

Тогда я решил прикончить царевича Шакьямуни, но он так приветливо улыбался, что у меня не поднялась рука причинить ему вред.

Карлос Кастанеда умер сам, прежде чем я подошел к нему. Просто сгорел изнутри, напоследок запустив в меня увесистым собранием сочинений.

К Уэсибе мне долго не удавалось подойти, потому что он практиковал Айкидо со своим учеником Тохеем и постоянно швырял последнего мне под ноги. Тогда я решил убить Тохея, но он сделал мне санкио, и я передумал.

Пророк Мухаммед был не так прост и попытался убить меня первым, да так, что мне пришлось спастись бегством.

А про Лао-цзы я просто забыл...

Глава 32

Король шел по улице и приветливо улыбался прохожим. Я шел неподалеку, но меня никто не видел.

Лето

Летом мир кажется нереальным, настолько все ускоряется. И так ясно вспоминаются предыдущие годы... Зимой никогда не бывает такой ясности, мир кажется застывшим, существует только здесь и сейчас.

Король остановился возле баллона с квасом. Две девочки-продавщицы с улыбкой смотрели, как нелепый большой мужчина с пышными усами пробует языком пену, а затем, зажмурившись, пьет до дна.

Господь Бог иногда развлекался тем, что прихватывал за уши Парменида и говорил ему: «Ну как, Парменидушка, Москва-то, чай, далеко?» Древний грек не знал, что такое Москва, и оттого сердито хлопал глазами.

В одном московском дворике на лавочке сидели двое и целовались. Вокруг шуршал опавшими листьями ветер. Им было холодно, но они не уходили. Девушка сидела на коленях у парня. «Когда видишь счастливых людей, – подумал король, – сразу сам становишься чуточку счастливее».

Он стоял за кованой решеткой калитки и задумчиво смотрел на целующуюся парочку. «Черт побери, – подумал король. – Я до сих пор чувствую себя призраком. Жизнь проходит мимо меня, и никак не удастся схватить ее за руку».

Девушка засмеялась. Король поднял голову и взгляделся в лицо парня.

Это было мое лицо.

Король побледнел, затем крикнул что-то и попытался протиснуться сквозь решетку. Застрял.

Парочка молодых людей встрепелась, испуганная громким криком и диким видом солидного мужчины в костюме, тянущего к ним руки сквозь калитку. Они встали и пошли прочь, оставляя короля одного в осенних сумерках.

Я стоял в полутемной комнате и смотрел на обнаженную, стоящую передо мной на коленях Анастасию. Она была так прекрасна. Как хорошо! «Совесть... – думал я. – Совесть... Что такое совесть? Она лишь усиливает страсть, как приправа усиливает вкус блюда. Что держит меня сейчас? Ничего. Так говорят нам... Мы одно. Личность – это иллюзия. С рождения нас сажают на цепь. Любить – нельзя. Ненавидеть – нельзя. Золотая середина».

Я стоял и плакал возле засохшего дерева. Слезы мои оросили безжизненные корни, и те зацвели. Засохшее дерево покрылось листвой и укрыло меня от палящего солнца.

Я, пожалуй, все-таки больше публицист, нежели писатель, – словно извиняясь, сказал человек, похожий на Льва

Толстого. — Только публицисты с такой охотой излагают свое мнение по разным вопросам.

— Да бросьте вы, граф, — печально возразил ему Роман. — Хватит врать.

— О, — сказал Петр, — я и не подозревал, что на свете еще осталось что-то такое, что способно удивить меня. Петр взял погремушку и засунул ее в рот. К кровати подошла мама и ласково погладила Петра по головке.

Иван все хотел поймать себе Жириновского

Король выхватил меч и стал яростно отмахиваться от тварей.

Твари кидались на короля по одной. Это было очень странно, учитывая их кажущуюся неразумность.

И вот одна из тварей добралась до короля и вонзила свои вонючие зубы в королевскую плоть.

Сначала ничего особенного не происходило, просто все твари разом исчезли. Король остался один в комнате с зеркальными стенами. Но что-то было не так.

Король подошел к ярко-зеленому дереву и попытался вытереть руки о его листву. Но, о ужас, руки короля прошли сквозь листву дерева.

Глянув в зеркальную стену за деревом, король обнаружил, что дерево просвечивает сквозь его тело. Король отпрянул

от дерева и снова оглядел его. «Странное дерево», – подумал король.

Что-то было не так.

Свет, шедший из окон, падал на дерево сбоку. Однако тень от дерева... Она была густая и черная и лежала под деревом так, как будто невидимый фонарь освещал его точно сверху.

Король сглотнул, и его лоб покрылся липким потом.

Медленно король подошел к дереву и поднял голову. Нет, над деревом не было никакой спрятанной лампы. Король опустился на колени и провел пальцем по странной тени.

Тень была нарисована черной краской на зеленой траве

Одна старушка любила смотреться в зеркало больше чем следовало. Сколько следовало, она не знала, но знала, что на-

чиная с определенного возраста женщине смотреться в зеркало становится неприлично. Впрочем, с какого возраста, старушка тоже не знала.

Хотя некоторые полагают, что такой старушки быть никак не могло, так что оставим сей предмет...

Один дедушка прожил всю свою жизнь так и не узнав, что означает слово «микроб». При этом он регулярно пользовался этим словом, чтобы запугивать сначала себя, потом своего сына, а потом своих внуков.

— Мой руки, паршивец ты эдакий, — говорил дедушка всем вышеперечисленным, и они мыли, что, несомненно, уберегло их от многих неприятностей.

Вот так и все мы получаем пользу от предметов, чья сущность для нас не более чем пустой звук...

Некто вышел на улицу и подумал, что идет дождь. Достав зонтик и испытав удовлетворение от собственной защищенности, он с удивлением обнаружил, что никакого дождя нет. Осознав истину, он не испытал ничего, кроме радости от того, что можно убрать зонт.

Я сидел на полу и притворялся грибом. Мне никто не верил, но я тешил себя надеждой, что это связано исключительно с моей неопытностью.

Я не знал, что это за фильм, и, посмотрев его, пожалел о том, что отдал деньги за эдакую дрянь. Но было поздно.

Некая девушка уехала во Фрязино, да так и не вернулась оттуда.

Анна любила не спать по ночам,
Анна гуляла по желтым лучам,
Анна взирала на все изнутри,
И говорила: «Огнем все гори».

Как-то раз Змей Горыныч решил поесть земляники.

Один заведующий чрезвычайно пекся о судьбах российской науки. Пекся, пекся... И спекся.

Сначала ко мне подошел дедушка-буддист из Наро-Фоминска (он приезжал к дочери, которая вышла замуж за молдаванина в Москве), и я отвел его на кольцевую. Дедушка сказал, что отблагодарит, но не сказал как.

Сразу после этого ко мне подошла женщина с неплохой фигурой и лицом, как у старухи, но без морщин (я сразу заподозрил, что это происки Дона Хуана) и стала просить сто рублей. Я спросил зачем, но не смог разобрать почти ни слова из того, что она говорила. Я озадаченно посмотрел ей в глаза, и она отошла прочь.

Семидесятые годы. Второй секретарь обкома (а может, и горкома) ВЛКСМ города N, еврей, захотел уехать в Израиль. Несмотря на то что он был женат и имел ребенка, уехать он хотел один. Но те, кто надо, его не пустили. Сказали, отдавай алименты и деньги за образование. Тогда секретарь пошел торговать наркотиками, и его посадили.

Ну какая уж тут мораль?!...

Атеист без чувства юмора ничем не отличается от священника.

Священник с чувством юмора ничем не хуже атеиста.

Меня обвинили в потере свежести, но разве кто-нибудь ее сберег?

Звери кончились

Часы тихонько позвякивали каждые пятнадцать минут. Король морщился, когда слышал это позвякивание. Мы сидели с ним на кухне и попивали чай.

Я встал, чтобы взять с полки еще шоколадных конфет. Разбитое стекло похрустывало под каблуками моих кирзовых сапог. Когда я вернулся за стол, король как раз заканчивал выкладывать на скатерти слово «вечность». Из печенья.

Я знал, что через пять минут в дверь позвонит Аня.

Когда Роман постучался во ВГИК третий раз, охранник почувствовал легкое беспокойство. И не зря.

Девчонка была хорошая и очень похожая на куклу. Большие глазищи, длинные волосы. Загляденье. Мокроволос облизнулся и схватил девчонку.

Жили-были два Шемшура. Большой Шемшур и Маленький Шемшур.

Король ехал в электричке и скучал. На противоположной лавке лежал давно немытый и оттого гордый в своем одиночестве мужчина.

Я сел рядом с королем и достал термос с кофе.

– Что, Ваше Величество, тяпнем кофейку? – предложил я скучающему королю.

Король повел носом в сторону открытого термоса, и лицо его оживилось. «А что, – подумал про себя король. – Кофе – это хорошо, что бы там ни говорили трусливые доктора».

Он протянул свою лапищу и осторожно обхватил пластиковый стаканчик, который я предусмотрительно захватил сегодня с собой.

Пар поднимался над густой ароматной жижей, и морозное летнее утро отступало прочь. Лежащий на соседней лавке бомжара принял вертикальное положение и взял свой ста-

канчик.

– Знаете, парни, – прогнусавил бродяга, – когда-то про меня хотели снять фильм.

Мы с королем улыбнулись.

Русские

Один русский уехал из России в США, но дольше 17 лет там не протянул и вернулся.

Аня счастливо улыбалась.

Я бы мог спеть тебе песню, но ты любишь рэп – у нас очень разные культурные предпочтения. Я бы мог нарисовать тебе картину, но ты не любишь абстрактную живопись и подумаешь, что я просто не умею рисовать. Я бы мог улыбнуться тебе, но ты больше любишь целеустремленных и серьезных парней, которые способны ходить по трупам. Я вообще не понимаю, что у нас с тобой может быть общего, моя фея.

Во время второй мировой войны на ВДНХ располагался секретный полигон. На нем испытывали добытые из скрытой кремлевской библиотеки боевые заклинания древних славян. У американцев к тому времени уже была в ходу магия индейцев тольтеков, а некоторые ведь до сих пор наивно полагают, что на Хиросиму сбросили атомную бомбу.

Бывало, Юле казалось, что ее не любят. Она бывала очень рада, когда оказывалось, что это не так.

Кто такая барбара? Барбара не спит ночью. Она ходит по московским подъездам и скребется возле мусоропроводов. Некоторое время назад стало модным устанавливать домофоны, и барбаре стало очень трудно ночью проникать в дом. Ей приходится с вечера проникать в подъезд с кем-нибудь из жильцов.

Миша сидел и грыз германские галеты. Пиво осточертело ему на третью неделю, сами немцы – на четвертую. Когда мимо проносился научный руководитель, Миша плевал ему вдогонку.

Я сидел и бычил до тех пор, пока не перебычил всех своих друзей и просто знакомых. Так один и сижу...

Ах, как порой противно проглотить нечаянную муху. Пусть даже и вечером.

Король выхватил меч и попытался пронзить меня. Когда лезвие прошло сквозь мое сердце, я взглянул королю в глаза.

– Вы знаете, Ваше Величество, иногда мне кажется, что мы поменялись с вами местами в гораздо большей степени, чем это может показаться на первый взгляд. Все эти штучки с невидимостью и нереальностью – это пустяки. Мы с вами поменялись взглядами на мир... И даже больше. Мы поменялись мироощущением.

Король устало отпустил меч, и тот так и остался у меня в груди.

– Пойдем, что ли, кофе попьем, – устало сказал король.

Раздался стук в дверь, и в квартиру вошла Аня. Мы сели пить кофе на разгромленной кухне. Только тихий перестук ходиков напоминал о былом уюте.

– Так что же нам делать с войнами, – спросила вдруг Аня короля.

– А почему ты меня спрашиваешь? Ты теперь вот его спрашивай, он у нас теперь елы-палы...

Аня глянула в мою сторону и почему-то покраснела.

– Знаете, Ваше Величество, – тихонько проговорила она. – Я теперь не очень-то верю в то, что он настоящий. Я вот к психологу на днях ходила... Вот...

Я поперхнулся кофе и забрызгал Анину белую блузку. Король расхохотался.

Старик, похожий на Далай-ламу, стоял за трибуной и читал лекцию студентам МИФИ. Когда пришло время задавать вопросы, с заднего ряда поднялся человек, похожий на Колю Шогорова.

– Скажи, чувак, как нам преодолеть собственное несовершенство и жрущий наши мозги попс?

Старик закрихтел.

– Я думаю, Коля, – сказал старик на чистейшем русском языке, хотя Коля не представился, – для большей части лю-

дей будет вполне достаточно преодолеть только собственное несовершенство.

Я запустил в человека, похожего на Далай-ламу, бумажным самолетиком...

Я положил руки Ане на грудь и начал отвечать.

– Нам никогда не удастся полностью искоренить войны. Но это не так уж важно. На самом деле нам этого не надо. Все, что нам нужно, – это научить людей уходить из тех мест, где идет война, без сожаления и ощущения, что их жизнь кончена. Понимаешь, Аня? Насилие порождает только насилие. Но это крайний случай, а мы должны избегать крайностей. Причиной войн ВСЕГДА является чья-то жадность. Если насытить жадность, война пропадет. Ни одна вещь не стоит человеческой жизни, и ни одна идея не стоит того, чтобы защищать ее. Защищать надо людей, а не идеи.

– Я не понимаю, – сказала Аня. – В мире полно злодеев, что же, бегать от них?

– Да, – сказал я, – зло не способно к самовоспроизводству. Это как сквош. Для того чтобы играть, нужна стенка. Убери стенку – никакого сквоша не будет.

– Это звучит как трусость.

– Называй как хочешь.

Я стал нежно массировать Ане соски.

– У меня когда-то был пес. Он был очень злой, но я нашел, где скрывается его злость. Я стал гладить это место на спине,

и он стал значительно добрее. У людей тоже есть место, где скрывается их злость. Если найдется тот, кто помассирует им это место, будет массировать его достаточно долго... То люди станут добрее. Но массировать во время войны нельзя. Кстати, у большинства женщин злость скрывается в сосках. Поэтому, чтобы женщина была доброй, нужно массировать ей соски.

Аня застонала.

Искандер сказал: «Если тебе все время нужен повод, носи его с собой».

Жила-была одна сексапильная и кокетливая сова. Ночью она летала над лесом и кричала неприятные вещи. Но никто на нее не обижался, потому что каждый зверь в лесу думал, что для совы он – особенный и что сова ругается от того, что страдает от любви к нему.

Может, кто-то из них и был прав.

Один Осипов сказал одной Глафире ученым голосом: «Ммм... В этой коробочке лежит нечто. Миллион людей, которые открывали эту коробочку раньше, говорили, что в ней лежит синий шарик. Однако, Глаша... Тебе ведь больше по душе зеленые кубики. Так что ты можешь спокойно жить дальше и полагать, что в этой коробочке зеленый кубик. Все, что тебе нужно, – никогда не открывать ее. Кстати,

с тебя пять рублей за красивую коробочку»...

«Ну что ж, – подумал Моисей, – людям я не нравлюсь, это теперь понятно. Что поделать? Так ли я хочу нравиться этим людям? Может, мне надо просто найти себе новых? Или самому измениться... Тут, мне кажется, вопрос в том, насколько ЛЮДИ нравятся мне самому».

Тут кто-то проходящий мимо и умеющий слышать мысли других шепнул Моисею на ухо:

– Дурачок.

Король сидел на кухне и смотрел на часы.

Глава 33

Большие гуси Инно клюют рис из плошки. Одна из рисинок – наш мир. Когда гуси Инно склюют ее, настанет конец света.

Король спал. Господь Бог смотрел на него и улыбался. Я же сидел на кухне и чистил картошку. Аня сидела рядом со мной и резала лук. И плакала.

– Твои слезы... – сказал я. – Я никогда не видел, чтобы ты плакала.

– Все девочки плаксы, – ответила Аня. – Я не исключение в этом плане.

Отец Александр встал со стула и подошел к телевизору. В руке у него был молоток. В телевизоре сидел Куваев и что-то нес в своем духе. Отец Александр посмотрел на Куваева и занес руку с молотком, приготовившись вдребезги разнести экран. Но потом раздумал. «Вот интересно, – подумал Господь Бог, глядя на это все, – ударил ли бы Куваев?»

– Я буду твоим опекуном.

– Подожди, но зачем мне вообще опекун?

– Чтобы ты не натворил чего.

– Это чего же я могу натворить?

– Ну, например, ты можешь нарушить какие-нибудь правила и умереть.

– А если я не нарушу правил, не умру?

– Умрешь.

– Так какая разница?

– Я почему знаю, меня тут поставили конкретные задачи решать, а не на абстрактные вопросы отвечать.

– Я, пожалуй, не хочу, чтобы ты был моим опекуном.

– А тебя никто не спрашивает.

– Как так, ведь это же моя жизнь. Мое тело. Ты тоже мой, если уж на то пошло.

– В том-то вся и фишка. Я твой, и поэтому я буду тебя опекать. А ты – мой. Между нами вообще очень сложно провести четкую границу.

– Но мне плохо, когда я живу так, как ты говоришь.

– Почему? Что плохого? У тебя всегда есть еда, люди тебя уважают.

– Мне скучно, меня никто не любит. И я с каждым годом люблю все меньше.

– Зачем тебе вообще кого-то любить. У тебя есть еда, твоя жизнь складывается правильно.

– Я не хочу правильно. Я хочу... Я хочу...

– Вот видишь, ты сам не знаешь, чего ты хочешь. Сейчас я составлю список, и мы с тобой вместе выберем.

Предыдущий диалог – диалог человека с собственным разумом.

В одном маленьком подмосковном городке уже который день шел дождь. Господь Бог молча смотрел как старушка Анна Павлова (1935 года рождения, трое внуков и одна внучка, все умерли) тащит через лужу тележку с тем, что выбросили другие люди, посчитав мусором. Нынче он смотрел глазами молодой девушки.

«Хорошо, – подумал Господь. – Я сейчас не очень занят, так что пойдем поможем бабушке».

Девушка собрала кое-какой еды и немного медных денег, вышла под дождь на улицу и протянула все это старушке. Старушка пыталась целовать руки молодой девушке.

Господь Бог не выдержал и заплакал.

Один слон шел по Африке и рассказывал всем о своих ощущениях.

Сон 3

Снусмумрик и дьявол сидели на берегу Москвы-реки. Снусмумрик держал в руках удочку с леской, но без крючка и что-то тихонько мурлыкал себе под нос. Дьявол протянул Снусмумрику чашку с кофе и сказал поучающе:

– Человек рожден для преодоления границ. Ты видишь границу, ты должен к ней подойти и посмотреть, что за ней. Если нравится тебе то, что там, ты *должен* переступить границу.

Снусмумрик улыбнулся дьяволу и тихонько покачал головой.

Дьявол отхлебнул кофе и продолжил:

– Свобода – это главная человеческая ценность, с этим-то ты должен согласиться.

Снусмумрик озадаченно посмотрел на дьявола, отхлебнул из предложенной чашки и продолжил смотреть на прыгающий в воде поплавок. «Честное слово, – подумал Снусмумрик, – если бы на моей удочке был крючок, я бы подумал, что поймал первую в своей жизни рыбу».

Дьявол заметил, что поплавок прыгает, выхватил у Снусмумрика удочку и выдернул леску из воды.

К концу лески водорослями было примотано бриллиантовое ожерелье. Дьявол аккуратно снял ожерелье с лески и протянул Снусмумрику. Тот засмеялся, чуть-чуть полюбобо-

вался на ожерелье и выкинул его обратно в воду.

Дьявол только устало развел руками...

Я дал тебе мотор, но ты не улетел.
Зачем тебе душа,
вокруг так много тел?

Алексей Алексеевич снял наушники, пошел к себе в кабинет и стал есть булочку. Крошки застревали у него в бороде, но это не делало его менее гордым и независимым.

Стивен Фингал улыбается редко, но метко.

На храме Казанской Божьей Матери в деревне Поречье молнией сбило крест... Таджики-мусульмане стали устанавливать его заново. Старушка шла мимо церкви и по привычке перекрестилась. Увидев, что там не крест, а таджики, старушка плюнула и пошла дальше.

Про массмедиа

- Скажи... А тебе не стыдно разбираться в таких вещах детально?
- Разбираться в чем-либо не стыдно...
- Даже в говне...
- Даже в говне. Есть люди, которые по твоему говну могут сказать, чем ты болен.
- Они разбираются не в говне, а во мне.
- Ловко выкрутился...
- Только скажи, что можешь сказать ты, разбираясь так детально в этом?
- Я могу сказать, чем больно общество.
- Значит, массмедиа – это говно общества?
- Да.
- Договорились.

Про гонку вооружений, одинокчество и свободу

У ежика много иголок, но он ходит без одежды.

У меня было так много возможностей проявить свою терпеливость, но я пользовался только некоторыми из них...

Шрифт имеет большое значение для подсознательного восприятия текста.

В Афганистане водится дикая коза, из нее делают самые дорогие в мире свитера. Коза дикая, и никто ее не видел почти. А еще Афганистан завалил весь мир героином, но это здесь вроде как ни при чем. Нормальных коз обстригают, а этих коз – нет. Они ведь дикие. Крестьяне ходят по горам и собирают клочки козьей шерсти, оставленные козами на колючках. Чтобы не было подделок, афганцы посылают ассасинов.

К. и раньше-то была не худенькая.

Глафира уехала в Зимбабве и пишет мне оттудова письма. Странно это все.

Сегодня Роману приснилось, что он вытаскивает у себя челюсть. А началось все с того, что у него развалились передние зубы и раздвоился язык.

Мужиков, которые ходят с сумками по подиуму, хочется убить. Но сумки у них хорошие.

Малевич работал на заводе по изготовлению кафельной плитки. Потому квадрат и нарисовал.

Меня наконец разбудили и вытащили из этого эротического кошмара. Я по-прежнему лежал на кушетке, а в глаза мне пристально смотрела Юля.

– Маргуны, – сказала Юля, – это вероисповедание.

– И во что же они верят? – спросил я.

– Маргуны, – сказала Юля, – верят в кофе. Они считают, что кофе – это наместник Бога на земле. Если человек хорошо трудился и мало грешил, то в награду ему дается хороший урожай кофе. А если человек грешил и ленился, то ему не дается кофе. Моя тетя никогда не ленится, поэтому у нее всегда много кофе. Очень вкусного и дорогого. По 200 рублей за сто грамм, в зернах.

Что такое я по сравнению с Юлиной тетей? Тьфу! Пустое место. Тетя вышла замуж за англичанина и уехала жить в Англию. Потом она приехала обратно в Россию и развелась. Тогда она еще не была Юлиной тетей. Потом она вы-

шла за Юлиного дядю и стала таковой. Она очень хороша. Правда, я ее не видел никогда, но Юля говорит, что хороша.

Раннее утро, осень. Темно и слякотно. Я стою на остановке и сжимаю в озябшей руке зонтик. Я такой не один. Нас много, и все мы хотим одного: чтобы подъехал теплый и уютный автобус, чистенький, с веселыми фарами. Но все мы знаем горькую правду – подъедет холодный грязный лоховоз. И мы побежим к нему и станем толкать друг друга, стараясь пораньше пробраться внутрь лоховоза. Потому что также все мы знаем, что лоховоз слишком мал и все не влезут. Те, кто не влезут, пойдут пешком до Техникума. Мы приходим на эту остановку каждый рабочий день в пять часов сорок минут. А лоховоз приходит не каждый день. Иногда водителя лоховоза подкупают таксисты и он не едет, говорит начальству, что лоховоз сломался. Тогда мы платим таксистам и едем на них.

В какой-нибудь более разумной стране мы бы давно сговорились и наняли свой собственный автобус. Но в России мы никогда этого не сделаем, потому что мы не верим друг другу. Каждый думает, что он, как дурак, отдаст деньги на наем автобуса, а кататься будет кто-то другой...

Жили были несколько друзей. И вот как-то раз один из них умер. И поняли они, что больше друг с другом дружить не хотят, и решили расстаться.

Но ничего у них не вышло.

Не так-то это просто, продружив всю жизнь.

Кришна сказал Илье:

– Забудь про цель и получай удовольствие от самого процесса.

Илья насупился и возмущенно ответил:

– Какое!

Кришна удивился, но виду не подал.

Теперь в твоём ожерелье есть смерть.

При виде этой девушки почти все мужчины хватались за свой аркан.

Кофе уже почти что остыл, но король все не решался встать и заварить себе новую чашку. Было холодно и пусто. Я подвинул к королю колоду карт и сказал: «Pick a card, Ваше Величество». Король спрятал лицо в ладонях и всхлипнул. Мне тоже было совсем не смешно.

Одному инженеру-проктологу в голову как-то раз пришла мысль о бесконечном количестве миров.

Я шел по дождливому городу и думал о том, что на правом запястье у меня надета голубая фенечка.

Человек, похожий на Эйнштейна, кивнул фотографу, высунул язык и подумал: «Наука нужна для того, чтобы человечество как вид имело возможность вовремя смыться с этого синего шарика, когда припечет».

Две старушки сидели в полутемной комнате. У первой старушки не было рук, поэтому вторая старушка кормила ее с ложечки жидкой манной кашкой. Глядя на это, двухметровый санитар Иван подумал, что помогать другим приятно, кем бы ты ни был.

На одном спиритическом сеансе Пушкина спросили: – Как вам удалось написать так много и так хорошо? Александр Сергеевич чуть помедлил и ответил: «Легко и непринужденно».

Некто подошел к каменной статуе и принялся читать ей проповедь.

Самураю Александру всегда не хватало стульев.

Человек, похожий на Говарда Спенса, сидел на стуле и читал вырезки из газетных журналов, которые его мать собирала в течение тридцати лет. Иногда ему было смешно, но иногда становилось и стыдно. Он боялся даже представить себе,

каково было бы ему самому читать подобные вещи про своих детей, которых у него никогда не было.

Как-то раз у одного человека возникла проблема. Не то чтобы это был первый раз, но по случайному стечению обстоятельств человек в тот день очень устал и не стал по своему обыкновению хватать проблему за нос. Он просто тихонько сел на пол, а проблема, обеспокоенная его необычным поведением, свернулась в клубочек неподалеку и стала покусывать себя за хвост.

Роман потратил свою жизнь на то, чтобы стать камнем. «Жалко, – подумал он перед смертью, – что мои дети стали деревьями».

Какое русское небо над Нью-Йорком.

Свобода

Мы давно уже не виделись. Когда долго находишься рядом с человеком, начинаешь себя вести определенным образом.

Я не знаю, как это описать точнее. Именно так, наверное, — определенным образом.

Твой образ становится определен. Образ твоего поведения, образ мыслей.

Это все *очень* легко разлетается.

Одна маленькая девочка сказала мне как-то раз, что Ты Настоящий — это то, что не меняется при общении со всеми людьми. Для того чтобы осознать это, ей понадобилось прожить более 90 лет (это число, разумеется, приблизительное).

Прожив еще 90 лет (это, само собой, тоже лишь приблизительное число), она сказала мне, что, наверное, правильно, конечно, то, что она тогда сказала. Но только вот теперь ей еще стало казаться, что ничего такого вообще нет. Что невозможно сохранить ничего от себя, общаясь со всеми людьми.

Помнится, я тогда засмеялся и сказал ей, что у нее, наверное, хорошие измерительные инструменты, раз она способна с такой потрясающей точностью подтвердить отсутствие чего-либо.

Вот теперь, когда мы снова увиделись, я чувствую что-то такое... Ну как будто бы я разлетался, пока тебя не видел. Я

был кем-то другим.

А теперь я будто снова слетелся.

Может быть, моя душа – это стая птиц, сидящих на ветках дерева. Дерево одно и то же, но птицы на нем зачастую очень разные.

Разным птицам нравятся разные люди.

Мик Джаггер закурил сам и дал закурить всем остальным.

Король сидел на скамейке в заброшенном парке и курил трубку. Осенний ветер кружил вокруг желтые листья, но дым из трубки короля словно не замечал ветра.

«Мораль...» – подумал король.

Некто подошел к нему сзади, положил руки на плечи и сказал:

– Мораль слабого человека похожа на траву, а мораль сильного человека похожа на ветер. Трава склоняется туда, куда дует ветер.

Трубка погасла, король прилег на скамейку и заснул.

Глава 35

Значит, вы полагает, что ломать людям руки и зубы – хорошо?

Медведь устало вздохнул.

Стоявший неподалеку Ослик ответил вместо него:

– Дело, видите ли, в том, что иногда это необходимо. Вот, к примеру... Вот, к примеру, у человека гангрена. – Ослик улыбнулся и стал протирать очки. – Тогда руку необходимо отрезать. Когда человек пытается кого-то убить... Здесь то же самое: чтобы кто-то не умер, необходимо произвести небольшую операцию. Всегда лучше без операции, но иногда вы не можете без нее обойтись в силу различных обстоятельств. Мне так вот кажется сейчас. Возможно, я и не прав, конечно...

Глафира отсекла Роме руку мечом. Рома заорал и упал на колени, держась за кровоточащую культю.

– Зачем ты это сделала, зачем?

Глафира хмыкнула и кинула Роме полотенце.

– Утрись, ты же мужчина. Мужчины не плачут.

– Но ведь должен же быть какой-то смысл, какая-то цель?

Глафира презрительно посмотрела на Рому и сказала.

– Это школа мужества. Теперь ты настоящий мужчина, а не сосунок. Гордись.

Рома утер слезы, схватил гитару и стал петь песню голубых беретов.

Аня стоит в магазине и покупает себе платье. Она покупает одно платье, но из магазина вынесет два. Еще одно платье лежит скомканное у нее в кармане. Да, дорогие женщины! В наше время платья стали таковы, что их можно скомкать и положить в карман. Магазины же стали таковы, что можно преспокойно класть в карман платье так, чтобы этого никто не заметил. Надо только набрать кучу платьев и зайти с ними в примерочную.

Только не забудьте снять с них блямбу.

Водитель прикрикнул на старушку, пытавшуюся залезть в автобус. Нечего, говорит водитель, по старушечьим документам тут ездить, для того рейсовые автобусы существуют. У меня тут полуэкспресс, кричит водитель.

Глафира Романова подошла к водителю и застрелила его из своего пистолета.

– Я никогда не могла за себя поручиться, что этого не произойдет! – говорит себе Глафира и выходит из автобуса.

– Я, – думает Глафира, – не виновата. С тех пор, как у нас разрешили свободное ношение оружия, у людей появилось доступное средство убивать всех подряд. Убить человека стало совсем просто. В наше время по улицам ходит полно психов, не надо было принимать этого закона. Но уж больно

мерзкий был водитель...

Аристотель считал, что душа человека состоит из двух частей. Одна часть чувственная, смертная. Другая – умственная, бессмертная.

Именно чувственная душа делает нас, людей, разными. Умственная часть делает нас частью чего-то божественного.

Развивая в себе вторую часть, человек рано или поздно потеряет себя как личность и сольется с Богом.

Все это весьма напоминает восточные учения о нирване. Мир бытия иллюзорен, само представление человека о собственной личности и личностях других людей иллюзорно.

Глафира схватила кролика на руки и прижала его к своей пышной груди.

– Зайчик, – прошептала она. – Миленький зайчик.

Глафира опустила кролика обратно на траву. Весеннее солнышко пригревало ее длинные темные волосы. Ее босые ноги неслышно ступали по мягкой зеленой травке.

Зайчик, покоренный Глафирой, прыгал теперь за ней и тихонько пофыркивал. Девушка подбежала к однорукому Роме и присела рядом с ним на скамеечку.

– Ромочка, – сказала Глафира инвалиду. – Ромочка, сможешь ли ты простить меня? Я так ошибалась.

Рома ласково, но строго посмотрел на Глафиру и ответил:

– Нет. Ты не ошибалась, это я был дурак. Я не должен

был позволить тебе отрубить мою руку, я сам виноват. На то и щука в озере, чтобы карась не дремал. Мы должны контролировать все. Даже тех, кто нам дорог.

Глафира погладила Рому по голове. Раньше он не говорил, что она ему дорога. Как меняются мужчины, стоит только причинить им легкую боль.

Где-то запела птичка. Кролик сидел неподалеку и тер мордочку лапками. «Как хорошо, – думала Глафира, – спокойно».

Оля посмотрела на флейту и горько вздохнула.

– Хы, – сказала она.

– Хы, – повторила флейта и запела грустную мелодию. Оля удивленно закрыла глаза и стала танцевать под звуки собственной флейты, которая почему-то сегодня решила поиграть до того, как хозяйка прикоснется к ней губами.

Наконец флейта закончила петь. Оля опустилась на стул и стала смотреть в окно.

Бедная Дамочка,

С утра любимый дал ей в глаз.

Любви это ее не помешало

Дамочка плакала, но любила.

О, счастье, как ты больно бьешь!

Дамочке сорок лет.

Она учитель литературы.

У нее двое детей.

По выходным ее любимый напивается

В стельку

И орет на Дамочку матом

На весь дом.

Нам всем жалко Дамочку,

Но мы можем понять ее мужа.

У нас у всех есть жены,

Мы такие же козлы, как и он.

А жизнь начиналась так хорошо,

А жизнь продолжалась так хорошо.

Откуда же взялся облом,

Откуда же взялся такой облом...

Лев сказал лисе:

– Если бы ты меня любила, ты бы меня побольше уважала.

Лиса оскалилась и прошипела:

– Я тебя уважаю. Я не уважаю нелогичные вещи.

Лев пожал плечами и свернулся клубком, точно котенок.

– Логика еще никому не приносила счастья. – промурлы-

кал он. Лиса встала над ним и принялась делать льву массаж. Ее острые коготки выдирали клочки львиной шерсти.

– Зато только логика приносит людям покой, – ласково сказала льву лиса.

За окном выла зимняя ночь. Не Москва. Видны ли в Москве звезды? Лев не помнил... Он давно не смотрел

в московское небо ночью.

– Как-то нескладно все вышло. Погоня за счастьем... Да, когда-то так оно все и было. Человек, который гонится за счастьем, – странное животное.

Наконец стало видно, что слова льва разозлили лису.

– Ты знаешь, это все можно в любой момент прекратить, – сказала рыжая.

В дверь постучали. Чей-то пьяный голос с некоторой иронией и в то же время вопросительно произнес:

– Простите, девушка! Вам не нуж... Вам... Ик?

Раздался стук падающего тела.

– Вот, – сказал лев. – Абсолютно логичный поступок. Можно сказать, традиция. Сидишь, напиваешься в компании мужиков, а потом идешь к женщине, и уже ни в зуб ногой. Но ведь нужно же и приличия соблюдать.

Лиса закончила делать льву массаж и свернулась в клубочек рядом с ним.

– Как ты ловко умеешь других судить. Можно подумать, что ты сам лучше намного.

– Я не лучше, я просто другой.

– Это просто мания величия. Ты такой же, как все, только хуже.

– Иногда хуже уже некуда. Быть лучше или хуже можно, только находясь в той же системе координат, в большей или меньшей степени удовлетворять или не удовлетворять тем или иным критериям. Больше или меньше подходить для ка-

кой-то задачи.

– Да уж, ты вообще ни для какой задачи не подходишь. Ни на что не годишься.

– Вот видишь, ты сама это признаешь. Значит, я не могу ни с кем состязаться, значит, и со мной никто не может состязаться. Я не хуже и не лучше. Я другой.

– Ты дурак. Реальная жизнь подойдет к тебе сзади и трахнет. Хорошо, если просто по голове, а то ведь может и в сексуально-эротическом плане.

– Ай-яй-яй! Девушки так не должны говорить.

– Как? Честно?

Один рациональный в дупло человек привязал к камню себя, свою жену и своих детей. Рациональность же его проявилась в том, что он убедил в рациональности своих действий всех окружающих. Даже меня.

Советское кино:

– You do shit like others, but your shit is a part of the BIG DEAL, so please do your shit well (or we will kill you)!

Американское кино:

– You do shit, but you are free and so unique and special. Do your shit well and someday you will become rich so other people will do this shit for you.

Буддисты:

– You do shit, but relax because you will die...

Я стоял в метро и не нес. А вот остальные, хоть и сидели, несли!

В одном небольшом городке все успешные люди по ночам шли в ближайший лес, ложились под куст и начинали выть.

Над водой поднимался пар. Тяжелые оранжевые лучи солнца нехотя окунались в черный сумрак Москвы-реки. Ко-

роль стоял на мосту и задумчиво смотрел вниз.

«В такое утро... – подумал король. – В такое утро...»

Тут кто-то кашлянул у него за спиной. Король поднял голову и посмотрел на небо.

– Хотелось бы все-таки прояснить, – спросил кто-то невидимый у короля, – чего вам все-таки не хватает?

Король усмехнулся и сплюнул вниз.

– Смотри, – сказал король, – у человека может быть тысяча пар роскошной обуви, но...

Тот, кто стоял за спиной короля фыркнул, перебив короля на полуслове.

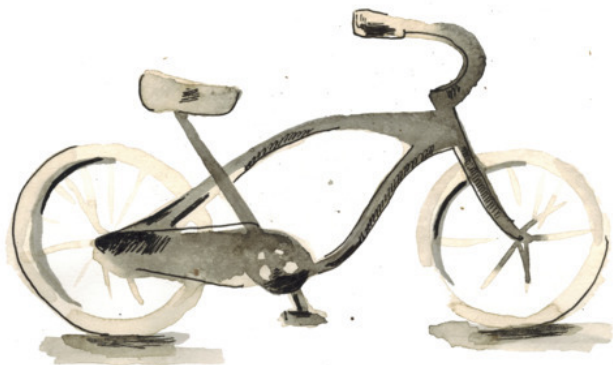
– Да, да... Ты в очередной раз сейчас скажешь какую-нибудь банальность. Причем очень туманно. Как так получается, что я все время знаю, что ты скажешь наперед.

– Просто ты слишком умная. От того, что ты понял чью-то мысль раньше, чем ее высказали вслух, мысль не становится хуже.

– Я буду долго гнать велосипед, – сказал мне однажды он, – я буду гнать его так долго, как только смогу. Да, скорее всего я упаду в конце. Но я получу огромное удовлетворение от того, что я буду знать, что проехал так далеко, как только смог.

Я тогда спросил его, куда он хочет попасть. Но он не смог мне внятно ответить, только тряхнул кудрявой головой и обронил:

– Вперед.

Глава 36.6

Рассуждения дурака

Мне говорят: уезжай. Но те, кто останутся, замерзнут без меня. Так что, пусть они лучше замерзнут со мной? А может, лучше уехать и привезти им огня? Но огонь, зажженный там, не горит здесь. И те, кто уезжал за огнем, редко возвращались обратно. Может, мы все же не замерзнем вместе.

Чжуан Цзы скал Джеки Ч.: «Спокойствие, только спокойствие. Сейчас все будет».

Мы постоянно рассказываем себе истории о самих себе. Некоторым по вкусу сказки, другим детективы. Кто-то любит триллеры, а кто-то порнографические новеллы. Вот и вся разница?

В вагон ворвались вооруженные люди в масках. Мы с ней стояли в середине вагона, поэтому не сразу поняли, что произошло. Время будто замедлилось, все стало плавным буквально за секунду до жуткого крика толстой старухи в зеленом платье, на груди которой стало медленно расплываться красное пятно. Сразу после этого все краски и звуки для ме-

ня пропали, мир внезапно стал черно-белым и тихим, как старый немой фильм. Я знал, что так случилось оттого, что цвет не был нужен в данной ситуации, и мой мозг не хотел тратить время на обработку лишней информации.

Еще я видел, как в руках и ногах людей появились пружины, то сжимающиеся, то разжимающиеся. Каким-то образом пришло знание, что если поймать человека в тот момент, когда пружина разжимается и помочь ей, то будет очень легко сделать с человеком то, что нужно сделать.

Единственным исключением была М. Она так и осталась цветной, и никаких пружин не было и в помине.

Кто-то тронул меня за руку, и я нехотя оторвал взгляд от девушки.

Оказалось, никто меня пока не тронул. Я почувствовал всего-лишь намерение одного из типов в маске, идущего на своих ногах с пружинами ко мне через весь вагон. Мы с М. привлекли его внимание тем, что остались единственными в вагоне людьми, не упавшими на пол. Я бережно уложил М. на пол, а сам встал на колени перед приближающимся вооруженным типом.

Недоумение и страх – вот что он почувствовал. В его сердце, подумал я, есть такая же пружина, что и в ногах.

Человек, похожий на Яна Андесона, стоял на Старом Арбате и играл на флейте. У его ноги лежал чехол, а рядом стояла табличка: «Фонд помощи бедным милиционерам». По-

этому Ходящим Мимо Служителям Закона было стыдно отбирать у человека, похожего на Яна Андесона, его скромное подаяние.

...Первую половину жизни Зря жил с людьми стаи рядом с гороховым полем на берегу реки. Они все время о чем-то его спрашивали.

Зря отвечал, но они не верили и думали, что Зря имеет в виду что-то другое. С течением времени даже он сам стал подозревать себя в обмане.

Однажды Зря замолчал. Но замолчав, Зря осознал лживую природу слов.

После этого Зря быстро остался один и долгое время думал, что такова его собственная природа.

Но однажды (не очень поздно) Зря встретил Максима, которому было в принципе все равно, что говорят другие люди. В случае чего Максим не стеснялся дать по лбу и хорошему человеку, прямо как Ваня Молодткин (фамилия изменена), который, когда напивался, бил всех, кроме Кости Райныша.

Тогда Зря стал искать людей, которые бы радовались звуку его голоса, а не словам. Оказалось, что даже такие люди есть.

А потом пришла...

Мокроволос привязал мужчину к стулу и заплакал. В одну ногу он взял корову, а в другую палку. Затем Мокроволос

протянул своему пленнику корову и сказал: «Ешь!». Связанный отказался, и за это Мокроволос ударил его палкой по левому уху.

– Что же ты не ешь корову-то, сволочь! – кричал навзрыд Мокроволос и кусал себя за пальцы...

Она села на край кровати и спросила меня:

– Ты что, боишься?

– Да, – ответил я ей, – я боюсь.

За окном была ночь, и луна, и бессмысленное время застыло до утра, и все люди в мире спали, кроме нас, земля была не шаром, а плоскостью.

– Нет, – ответил я ей, – я совсем не боюсь. Просто я кое-что знаю, чего не знаешь ты.

– Что же? – она прикоснулась к моей руке случайно и тут же отдернула ее. Мимо прогрохотал поезд метро.

На новогодней елке тихонько перемигивались зеленые огоньки, они не были врагами оранжевым огонькам, но по жестокому замыслу изготовителя гирлянды, а может, от его скудного воображения просто не могли гореть одновременно. «Сейчас гирлянды делают совсем другие», – подумал я.

– Я знаю, что происходит с такими, как я, к концу жизни. И я знаю, что происходит с такими, как ты.

– Что же? – спросила она.

Раздался стук в дверь, и в квартиру ворвались люди в мас-

ках и с автоматами. Они протопали на кухню, сняли маски (судя по шуршанию, они были плохо бриты) и заварили себе чаю. Я даже не моргнул, когда они вышибли дверь, а когда, напившись моего чая, решили поставить ее обратно, я громко крикнул: «Отверток нетути, работайте руками, парни!».

– Я изобрету теорию о том, как устроен этот мир, а точнее, люди. И весь остаток жизни буду искать доказательства того, что моя теория верна, что люди таковы, какими я их считаю.

Я поднял чашку чаю с пола и отхлебнул. Остыл. Затем я продолжил:

– А ты будешь... Ты будешь... Нет. К чему тебе это знать.

Она встала и подошла к окну. «Я этого никогда не забуду», – сказал я пустой земле и свету в своей душе. «Забудешь, – сказал свет. – Ты уже забыл».

Король отвернулся от окна. Его шпага тихонько звякнула, задев батарею.

На кровати сидел человек и читал книгу.

«Новый завет» – прочитал король на обложке.

Король хотел пройти мимо человека, но тот протянул руку и схватил короля за полу плаща.

Король глянул в глаза читателю.

Им оказался я.

Таковский закурил. Над его головой сияли звезды, легкий летний ветерок теребил его густую бороду. Наконец великий

режиссер сказал:

– Понимаешь, Рома. Хороший фильм подобен острому складному ножу из хорошей стали.

Рома задумался. Наконец он поднял глаза и спросил:

– Как прикажете вас понимать?..

Ложный закон сохранения ненависти

Жар. Ребенок ненавидел себя из-за того, что его родители ненавидели друг друга. Когда он перестал ненавидеть себя, он начал ненавидеть окружающих. Когда он перестал ненавидеть окружающих, окружающие сами начали ненавидеть его. Таким образом, ненависть стала пауком, который перебирается по головам людей, и ничего не оставляет за собой, кроме липкой паутины недоверия. Мы не доверяем нашим соседям, но кого нам благодарить за то, что тому есть причины.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.